Санникова Т. О.

Б. А. ЭНГЕЛ О ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 120-121. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.) / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 3 (1941-1952 гг.). 751 с.
Синицын А. М. Забота о раненых фронтовиках и инвалидах в годы Отечественной войны // История СССР. 1973. № 1. С. 130-138.

Б. А. ЭНГЕЛ О ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Санникова Т. О.
Филиал Удмуртского государственного университета в г. Воткинске

Барабара Алперн Энгел / Barbara Alpern Engel – профессор исторического факультета Колорадского университета, является известнымамериканским историком–россиеведом. Специализируется (при чем Б. А. Энгел одна из зачинателей западной историографии в этом вопросе) на исследованиях в области женской истории. Среди ее работ – обширное исследование «Женщины в России, 1700-2000» (Engel B. A. Women in Russia, 1700-2000. Cambridge, 2004).

В свете актуальности гендерной проблематики в современных исторических исследованиях, представляет интерес одна из первых ее работ в данном направлении: «Матери и дочери: женщины в российской интеллигенции XIX века» (Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983), где Б. А. Энгел обратилась к системе ценностей, которые исповедовали женщины в среде российской интеллигенции.

В девятнадцатом столетии женщины составили влиятельное меньшинство в российской радикальной интеллигенции. Как пишет Б. Энгел, в течение 1860–1870–х гг. российские женщины, казалось, были всюду: на баррикадах Парижской Коммуны, в университетах Парижа, Берна и Цюриха, как медсестры – на передовых в Русско-турецкой войне. В России они преследовали социальное правосудие с пистолетами и листками пропаганды в руках. Европейские и американские газеты пестрели новостями относительно их деятельности. При этом они были настолько самоотверженны, несли моральный пыл ко всему, что совершали, были готовы отказаться от семейных, личных связей, детей; что делает их очень отличными от их западных «сестер» - активисток [Engel, p. 3].

Несмотря на высокий уровень женского участия, тем не менее, как замечает Б. Энгел, большинство историков обращалось с интеллигенцией, как будто она была исключительно мужской, любое же упоминание о женщинах приписывало им те же самые побуждения и опыт.

В России XIX века было традиционное общество, традиция определяла женщин, прежде всего, как дочерей, жен и матерей. Фактически каждая женщина выходила замуж, и те, кто не делали этого, оставались с родителями, или жили в других семействах, часто при родственниках. Даже когда стал доступен другой выбор, требовалась значительная храбрость от женщин и определенные намерения, чтобы предпринять жизнь вне сферы семьи.

Б. Энгел считает, что во многих случаях именно религиозные ценности служат объяснением для восстания женщин против определяемой семьей роли. Как замечает Х. Хогенбом, главный тезис Б. Энгел о том, «что женщины русской интеллигенции 19 века, под влиянием религиозных идеалов и высшей нравственной правды, пошли в разные профессии, а не «в профессию замужества» [Хогенбом].

С одной стороны, по мнению Б. Энгел, общество и религия помогали укреплять подчиненное, зависимое положение женщины от этого же общества и семьи. Но в то же время, данное положение вещей освящало женскую выносливость и формировало у женщин некоторое моральное превосходство.

Со смертью Николая I, и восхождением на престол Александра II, женщины получили возможность внести свою энергию в социальную реформу, в то же время привнеся туда свои моральные ценности. Так с остротой встал и женский вопрос. Как пишет Б. Энгел, можно отметить три подхода к его решению. Первый – освобождал женщины от семейства, от отношений между полами, и расширял женские прерогативы в общественной сфере в политически приемлемых пределах. Другой, который современники называли «нигилизм», исповедовал большее количество радикальных мер, утверждая, что женщины должны освободить себя от «деспотизма семьи», и что патриархальная семья должна быть радикально изменена, даже, по мнению некоторых, отменена в целом. Третий подход – также был близок к радикальной позиции, но сконцентрировался на социальном и политическом изменении скорее, чем на личном изменении, желая, отложить до социалистического будущего решение многих проблем, в том числе и женский вопрос [Engel, p. 46].

Период в конце 1860-х, расширив образовательные возможности, драматично увеличил число женщин, ищущих альтернативы к сосредоточенному семейством существованию. В получении образования они видели возможность в дальнейшем быть полезными для людей. Несмотря на отклонение от обычной женской роли, которое они выбирали, такие женщины продолжали чувствовать себя как женщины предшествующего поколения, их объединяла мораль самопожертвования [Ibid., p. 105]. Новое поколение отличало лишь то, что они хотели осуществить такие моральные качества для общества в целом.

Так женщины сначала с готовностью влились в студенческое сообщество, и многие из них, восприняв социалистические идеи, присоединились к радикальным кругам. Отказавшись от прежней традиционной

женской судьбы, они стали связаны с судьбой революционного движения, в нем найдя и эмоциональную замену семейным узам [Ibid., p. 105, 107].

Новая свобода 1870-х годов расширяла женские интеллектуальные горизонты и давало возможность работать для благосостояния общества в целом. Большинство женщин реализовывало свои цели, становясь учителями, акушерками, врачами, юристами. Однако, были те, хотя и в меньшем количестве, которые считали эти цели слишком ограниченными, их знания в совокупности с моральным абсолютизмом побуждали таких женщин присоединяться к радикальным группам [Ibid., p. 109].

Софья Перовская в письме матери пишет, что жила согласно нравственной честности и ждет будущее с чистой совестью. Эти религиозные ценности, как указывает Б. Энгел, все еще пронизывали общество. Они обеспечивали привлекательную альтернативу холодному бесплодному, иерархически выстроенному официальному миру. Б. Энгел замечает, что Вера Засулич получила свои первые моральные уроки из Евангелия, и именно поиски «тернового венца» привлекли ее к тем, кто гибли, и к революции. Вера Фигнер выбрав путь радикализма, следовала принципу из детства, о чем она сама писала, принципу, вынесенному из Библии: «Оставьте вашего отца и вашу мать, следуйте за мной».

В движении 1870-х преобладало этическое видение: это были сотни женщин, попытавшихся преобразовать общество согласно стандартам этики, которые они вынесли и которые принадлежали именно женскому культурному миру. Даже если их реальные связи с женщинами в собственных семействах были нарушены, и прежние социальные роли отклонены, они действовали согласно их собственному идеалу женственности, обеспечивавшему им важный источник силы и самоутверждения [Ibid., p. 201].

Этим можно с точки зрения Б. Энгел объяснить и поддержку других женщин: подруг и матерей. Даже в ситуации, если они не одобряли действия своих дочерей, матери признавали то, что делали их дочери на революционном поприще. Мать Перовской посещала ее втайне, даже после того как она ушла в подполье и беспокоилась о ней до последних часов в Петропавлоской крепости. Мать Марии Трубниковой разрешала использовать свой дом для встреч радикалов и хранения незаконной литературы.

Дружба между женщинами также помогала преодолевать жизненные трудности. Отношения между женщинами в революционных организациях часто копировали, по мнению Б. Энгел, отношения между матерью и дочерью [Ibid., p. 201]. Так, например, Софья Перовская требовательная и жесткая в отношениях с мужскими товарищами, почти неизменно обращалась с женщинами с нежностью и беспокойством, даже устраивая пикники для них в самый разгар террористической борьбы.

Мемуары радикалов женщин, их частная переписка свидетельствует, как сильно они зависели и беспокоились друг о друге. Поэтому и в тюрьме, как они отмечали, женщины держались лучше, для них гораздо менее вероятно было заболеть, сойти с ума, умереть, потому что они заботились о других [Ibid., p. 202].

Это были сильные женщины, готовые пожертвовать собственными жизнями, чтобы сделать мир лучше для страдающих масс России. Ибо они воспринимали себя совестью общества.

Хотя, как замечает Б. Энгел, мы не должны идеализировать российских женщин в радикальной интеллигенции 1870-х годов, однако можем увидеть, что никогда в будущем женщины не будут составлять такую пропорцию активистов в социальном движении, и занимать такие видные позиции. Кроме того, подчеркивает Б. Энгел, радикальные женщины 1870-х добавляли моральное измерение к революционной политике [Ibid., p. 203].

Список литературы

Хогенбом Х. Гендер и литературная биография [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/hogenbom

Barbara Alpern Engel [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopedia.jrank.org/articles/pages/4607/Engel-Barbara-Alpern-1943.html

Engel B. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ, КАЗАХСТАНА

Серова Ж. В.
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Судебная власть – это особая деятельность государства по защите прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов всех органов, организаций, по обеспечению исполнения Конституции, законов, иных нормативно-правовых актов, международных договоров на основе принципов демократии, социальной справедливости, гуманизма и законности. «Теоретический анализ места и роли судебной власти в конституционно-правовом её измерении затруднен, - как справедливо указывает И. Б. Михайловская, - необходимостью ухода от её отождествления с судебной системой» [23]. В самом общем виде под судебной